

К ПОСТРОЕНИЮ ФОРМУЛЫ ЛИНГВОМЕНТАЛЬНОСТИ (на материалах русского, украинского и словацкого языков)

Н. В. Бардина (Одесса)

В кулуарах последнего съезда славистов не раз доводилось слышать сетования на неприкаянность восточных славян: и не глупее мы других, и работать умеем, но никак не можем построить общества, достойного нас самих.

Думается, что разрешить эту проблему в самых ее истоках должны не историки, не политики, не психологи, а мы — лингвисты.

Ментальность как совокупность стереотипов когнитивного восприятия мира неразрывно связана с языком. Но с языком не как иерархической совокупностью знаков, используемой человеком в качестве *инструмента* (наподобие сверхсложной лопаты или отвертки), а с языком как принципом, многомерной, многоэкранной силой (аристотелевской энергией) упорядочения и фиксации включаемого в миф диффузного субъектного сознания, античным логосом.

Таким образом, определение ментальности народа как лингвоментальности предполагает кардинальную методологическую переориентацию лингвистических изысканий. Энергеальное моделирование языка, разграничивая экран лингвоментальной позиции (принципы отношения субъектного сознания к языковой материализации переживаемого мира) и экран пространственного перехода (принципы когнитивной конденсации и фиксирования расчленяемого сознания) [Бардина, 1996], переводит изучение национальных особенностей лингвоментальности в иную плоскость, коренным образом отличающуюся от плоскости этимологии и ставших популярными в последние годы описаний этнических сценариев коммуникации. Так, если под языком последовательно понимают именно *принцип* сопряжения дискретного и континуального, актуально-переживаемого и стереотипного, личностного и социального, материального и идеального, то это закономерно выводит понятие лингвоментальности за пределы дискретной лингвальной системы: получается, что человек, даже произнося иностранные слова и правильно используя иностранные грамматические конструкции, может в действительности говорить при этом на своем родном языке.

В небольшой статье, конечно, невозможно не только охватить, но даже упомянуть все возникающие в связи с этим проблемы. Остановимся лишь на некоторых лингвоментальных позициях, варьирование которых дает основания для построения *национальной формулы лингвоментальности*. Это позиция *я-статуса, ты-отношения и логос-активности*. Исток все этих признаков обнаруживается в противопоставленности *Я — не-Я* как фундаментального свойства диалектики человеческого сознания.

Языковое существование человека находится в непосредственной зависимости от того, что обычно служит фокусом при попытке расчленившего свое сознание: постижение *Я*, изучение (апеллятивное, конформное и автономное) того, что находится вне *Я*, или реконструкция отношения между этими двумя глобальными категориями. Достижение гармонии между личностно-неповторимым и социально-детерминированным определяется сбалансированностью различных лингвоментальных акцентов.

Если принять следующие обозначения: *M* — переживание мира, *m* — переживание мира в себе, *S* — переживание себя, *s* — переживание себя в мире, то формулу этой гармонии (*G*) можно представить следующим образом:

$$G = \frac{M(m)}{S(s)}$$

Естественно предположить, что у представителей разных национально-культурных сообществ — при всех возможных индивидуальных отклонениях — обнаруживаются тенденции к акцентированию разных составляющих этой формулы.

Верификация выдвинутого предположения была осуществлена на материале *логоса* (спонтанного опредмечивания расчленимого сознания) русских, словаков и украинцев. То, что в центре внимания оказались именно эти три славянских языка, не случайно: представляя собой звено цепевидно расчленимого славянского языкового семейства [Трубецкой, 1987, с. 47], они могут быть использованы как опорные точки в системе характерологических описаний.

Для того, чтобы сделать выявление национально-культурных преференций антропогенных инвариантов менее спорным, влияние прочих факторов было нейтрализовано: в качестве информантов использовались городские жители, происхождение и образование которых говорило в пользу нормативности их логосознания. Отдельно исследовались две возрастные группы «19 — 25» и «28 — 60», хотя высочай-

шая *логос-активность*, неуспокоенность мысли представителей второй группы (ими были преподаватели вузов, писатели, артисты, художники) во многом нивелировала существующую разницу.

Таким образом, контрастивному широкомасштабному исследованию (включающему как изучение естественного языкового существования, так и разнообразные психолингвистические эксперименты) подвергся *логос* 180 человек (около 15 часов звучания).

Как удалось установить, одна из линий, по которой проходит противопоставление национальных вариантов лингвоментальности, — это линия *эгоцентризма и социализация логоса*, формирование которой обусловлено историческими судьбами этих трех народов.

Так, наблюдаемая у *словацких* информантов тенденция смягчить *Я-статус*, используя этикетные формулы и четкую стилистическую ранжированность языковых стереотипов, находится в прямой зависимости от многовековой устойчивой противопоставленности «верхов» и «низов», не поколебленной сорокалетним периодом социализма (сменилась правящая верхушка, но разгула анархии и люмпен-пролетарской вседозволенности, разрушившего многие когнитивные стереотипы русских, в Словакии не было).

Русские информанты и *часть украинских* оказались на противоположном полюсе практически неприкрываемого эгоцентризма, но по разным причинам.

Социальная расслоенность русского дореволюционного общества всегда переплеталась с «тягой к удальству», стремлением во всем дойти до самого предела, даже саморазрушительного, что, возможно, было обусловлено ландшафтным своеобразием Руси-России [Лихачев, 1990; Гачев, 1977].

Что же касается украинского народа, то с позиций лингвоментальности он представляет собой, в сущности, два субэтнуса: *первый* — населяющий горы и леса западных территорий и долгое время находившийся в составе Речи Посполитой или, подобно словакам, — Австро-Венгрии, и *второй*, — освоивший просторы степей востока и юга и вынужденный веками отстаивать свою независимость, *избирая* гетмана из рядов простых казаков. Привитая в первом случае *социализация эгоцентризма*, сближающая данный субэтнос со словаками, приобрела характер *когнитивной закукленности*. Информанты этой группы (назовем их *интровертный подтип*) проявляли свой эгоцентризм только в привычных, психологически комфортных условиях. В нестандартных ситуациях они *были вынуждены выглядеть смешными* и поэтому избегали проявлять свое *Я* (если

разумеется, не обладали высоким социальным статусом): *та я цього не знаю; не хочу зараз говорити; що я буду, як дитина, відповідати; а навчання це тобі; спитай когось іншого*. Активный индивидуализм, развившийся у представителей второго субэтноса, способствовал акцентуации эгоцентризма, наблюдаемого в логосе другой части украинских информантов (назовем их экстравертный подтип) и объединяющего их с русскими. Однако при этом у обеих подгрупп украинцев, как и у словаков, более ярко, чем у русских, проявилась эгоцентрическая трансформация воспринимаемой информации. Таким образом, можно говорить о том, что демонстративный эгоцентризм логоса русских основан, преимущественно, на центробежных, а у словаков и украинцев — на центростремительных связях с объективированным идеальным.

С этим фактом оказывается тесно переплетенной вторая линия противопоставленности вариантов лингвоментальности — отношение к себе подобным (Ты-отношение): конфронтативность — конформизм — автономность.

Как обнаружилось, словаки гораздо более автономны, и менее конфронтативны, чем русские и большинство украинцев. Даже их возмущение часто носит безадресный характер. Не случайно, видимо, что при аксиологическом анкетировании они в 80% случаев на первое место вынесли толерантность (русские — ум, украинцы — человечность). Эту черту лингвоментальности словаков можно, по всей вероятности, объяснить бесспорностью моральных и социальных правил (нет смысла тратить силы на доказывание тривиального) и бессознательной ориентацией на высший этический принцип.

Проявившаяся в экспериментальных записях апеллятивность русских соответствовала активному стремлению поддерживать усвоенные стереотипы. Наблюдаемые же среди украинских информантов конфронтационность экстравертной подгруппы и выжидательную самоизоляцию «интровертов» можно объяснить одним и тем же — утилитарным индивидуализмом. Таким образом можно заключить, что кажущееся различие лингвоментальных позиций украинских субэтносов — две стороны одного явления.

Я-статус и Ты-отношение тесно связаны с третьей линией противопоставленности — логос-активностью: желанием разобраться в мироустройстве при помощи языкового расчленения и материализации своих мыслей. В ходе экспериментов у русских и части украинских информантов четко обозначилась тенденция к окостенению схем переживания событий и стереотипизации логоса. Возможно, это обу-

ловлено наднационально-культурными традициями. Особенности воспитания в советских школах привели к тому, что характерному для западно-европейских стран типу лингвального самоутверждения «я говорю то, что думаю» у нас соответствует тип «я говорю то, что должен говорить (и думать)». Казаться, а не быть. Именно этой формулой руководствовались значительная часть экс-советских информантов, прекрасно себя чувствовавших в вербальном квази-мире.

У словаков же стереотипы социализации логоса настолько автоматизированы с раннего детства, что они не боятся быть тем, что они есть, не боятся выпустить из-под контроля сознания этикетную форму, чтобы сосредоточиться на когнитивном процессе.

Сравним фрагменты описаний портрета В. А. Лопухиной представителями анализируемых подгрупп (косой чертой обозначены паузы):

PM1: / на портрете изображена молодая девушка / пухленькая / достаточно симпатичная / видимо из / богатой семьи / потому что на запястье достаточно массивная золотая цепь / и собственно говоря одежда говорит о том что она из богатой семьи / такое простое но / явно богатое платье /

UM1: / бачимо ми тут / жінку / років десь так / важко сказати / від двадцяти до тридцяти мабуть / (со смехом) мабуть до привілейованих верств населення належить / — / ну про одяг можна сказати що це таке легеньке плаття / з легкої матерії / прозорої досить / накинута якась темна чи то шаль чи то / не знаю мабуть шаль /

UM2: / ну я не знаю що розповідати / описати зовнішність? / а для чого це? / так що просто розповідати що бачу? / ну я бачу молоду дівчину / в неї русяве волосся і голубі очі так? / а як одягнена розповідати? /

CM1: / taky je pekny obrázok / to sa stači naňho pozerať / človek si utvorí o tom svoj vlastný názor / no ale / hm / — / je na ňom taká pekna mladá slečna / neviem kol'ko by mohla mať rokov / tak kolo dvadsať / viac asi nemá podl'a mňa neviem / a-a / šaty tie / ja neviem aká farba to môže byť / podl'a mňa to je nejaký hodváb tam asi / alebo niečo podobne / ja sa v takých nevyuzman takže neviem /

Нетрудно заметить, что русский информант не воспринимал язык «логоса» как когнитивное средство, для него он был прежде всего средством обозначения, классификации и сообщения. Примечательно, что даже стереотипы неопределенности носили у него внеличностный (визуально) или внеличностно-оценочный (достаточно) характер. У украинского информанта 1 логос-активность переместилась с интерпретации мира на интерпретацию мира в себе (чи то шаль чи то... не знаю) и — косвенно — себя в мире (иронический смех при употреблении конвенционального стереотипа). Украинский информант 2 больше всего был озабочен именно образом себя («как бы не сказать что-то не так!"). Словацкий информант погружен уже исключительно в личностное переживание мира. Примечательно, что практически все

словаки больше внимания уделяли не внешности В. Лопухиной, а конструкции ее внутреннего мира, а также передаче общего эстетического воздействия картины. В ходе эксперимента они не пытались произвести благоприятное впечатление на собеседника, а прежде всего чувствовали свою личность, которая, соприкасаясь с чужим миром, постигала и этот мир и самое себя. Характерно, что эта особенность сохранялась у словаков и когда они «говорили по-русски».

/ мне кажется что эта девушка стоит я думаю / перед окном / и за окном находится / моему мнению / какой-то сад / потому что там я вижу деревья/.

Если теперь попробовать отразить описанные варианты лингвоментальности в модификациях приведенной выше формулы, то русский вариант приобретает вид:

$$G = \frac{M(m)}{S(s)}$$

Это значит, что носитель русской ментальности в большей степени интересуется миром (от предвыборной борьбы в США до наводнения Южном Китае), чем самим собой. Здесь можно предвидеть возмущение читателя: а как же великая русская литература, психологизм Достоевского, Толстого, Булгакова?

Позволю себе предположить, что феномен русской литературы как раз и обусловлен тенденцией русского логоса к конвенциональным стереотипам: чем стандартнее и ограниченнее общепринятая языковая диакритизация, тем большую неудовлетворенность испытывают люди, у которых ощущение неадекватности между словом и личностным переживанием все глубже загоняется в подсознание. Ощущение неудовлетворенности тем сильнее, чем больше в идиолектной аксиоматической системе, кроме чисто русских элементов иноязычной ментальности.

Так появляются художественные (или философские) произведения автор которых стремится открыть для читателя и для себя самого «на внешней логикой глубокую абсурдность» [Бергсон 1992, с. 107], пытается через многократное обдумывание различных оттенков и деталей вернуть логосознанию его синтетизм. И хотя в принципе это невозможно (сколько точек мы бы ни вставляли, мы не заполним ментальный поток тем не менее у читателей появляется иллюзия полноты переживания мира, иллюзия гармонии с ним).

Из этого рассуждения можно сделать, по крайней мере, два вывода: о закономерности устремления носителей русской лингвоментальности к литературному творчеству и о взаимодополнительности исходного синтетизма живого логоса и искусственно создаваемого син-

тетизма художественного текста. Следовательно, изучая ментальность народа, необходимо соотносить то, что и как пишут (писали), с тем, что и как говорят. Акцентуация какой-либо лингвоментальной позиции в текстах может свидетельствовать о ее нивелировании в логосе, и наоборот.

Однако вернемся к нашей формуле. Основные тенденции украинской ментальности можно выразить следующими модификациями:

$$1. G = \frac{M(m)}{S(s)} \quad 2. G = \frac{M(m)}{S(s)}$$

Акцентуация переживания себя в мире без стремления познать сам мир может переходить в то, что раньше было названо когнитивной заукленностью, бегством «від життя в душу і долю» [Шлемкевич, 1992]. Гармонии в этом случае можно достичь только через постижение субъективной трансформации внешнего мира. Приобщение к внешней реальности идет через приобщение к другим логосам и другим культурам. Характерно, что языковая диакритизация информантов первого подтипа, почувствовавших активный интерес к миру в себе, удивительным образом приближалась к словацкому варианту: / тут зображено родину / як мені здається / купецьку / / підчас / заручин / або вже ні мабуть це вже не заручини / це / може / ні сватання це ще / не / весілля / ну десь так / e-e / військового майора до / дочки /

Второй зафиксированный нами тип украинской лингвоментальности относительно уравновешен переживанием мира и образом себя в нем. Сочетание этих акцентуаций дает широкие возможности к ситуативной конформистски-апеллятивной смене стереотипов. Вероятно, именно эта черта украинской ментальности позволила Л. Н. Гумилеву утверждать, что украинцы с давних времен «были более усердными служаками, чем русские» [Гумилев, 1992, с. 255].

Наличие акцентированного компонента М объединяет этот подтип с типом русской ментальности, однако переживание себя в мире оказывается более значимой чертой и позволяет рассматривать два варианта ориентации украинского логосознания как единый тип.

Обязательное присутствие рефлексии в лингвоментальных позициях украинцев сказалось и на особенностях создаваемых ими художественных текстов: переживания души передаются не через ее расчленение на мельчайшие составляющие, а через ассоциативные образы, алогично соположенные звенья цепи перцептивных событий (ср., например, типично украинскую — причем, как свидетельствуют современники, интроверт-

ную --- ориентацию логосознания у пишущего русскими словами Н. Гоголя).

Акцентирование словацкой лингвоментальности можно обозначить модификацией

$$G = \frac{M(m)}{S(s)}$$

Центростремительность словацкого интерпретативного эгоцентризма логосознания уравнивается тягой к путешествиям (= к внешнему миру) или устройством *своего материального мира*: словаки, как известно, любят заниматься бесконечным совершенствованием своего дома, хозяйства, дачи, подъезда, города, лесной тропинки и т. п.

Как видим, изучение лингвоментальности оказывается неразрывно связанным с общей позицией Homo loquens в окружающем мире. Именно конвенциональная специфика расчленения реальности — а не использование тех или иных дискретных единиц — обеспечивает целостность народа (вспомним, к примеру, подчеркнутую особенность лингвоментальности американцев и шотландцев, *как будто* говорящих по-английски). Прежде чем реорганизовать социум, нужно разобраться в том, каким видит окружающий мир и себя в нем представитель этого социума.

Думается, что игнорирование этого факта и служит основной «причиной наших невдач», о которой размышлял Григорий Ващенко, а возможно и причиной общей «славянской неустроенности».

Бардина Н. В. Языковая гармонизация сознания: Энергеально-конфигуративная модель языка — Одесса, 1996. — 244 с. (в печати).

Бергсон А. Опыт о непосредственных данных сознания // Собр. соч. — Т. 1 — М.: «Медковский клуб». 1992. — С. 50-159.

Ващенко Г. В. Психічні властивості українців і причина наших невдач // Рідна школа. 1992. — № 2. — С. 31-35.

Гачев Г. О национальных картинах мира // Народы Азии и Африки. — 1977. — № 1. — С. 77-92.

Гумилев Л. Н. От Руси к России: Очерки этнической истории. — М.: Экспресс, 1992. — 336 с.

Лихачев Д. О национальном характере русских // Вопр. философии. — 1990. — № 4. — С. 3-6.

Трубецкой Н. С. Мысли об индоевропейской проблеме // Избранные труды по филологии. — М.: Прогресс, 1987. — С. 44-59.

Шлемкевич М. Загублена українська людина. — К.: Фенікс, 1992. — 158 с.